

— Хорошо, — тут же согласился Цзи Жань. Было бы глупо самому лезть на кухню. Да и после той истории он теперь просто не выносил Гао Хуэй и всеми силами старался избегать с ней встреч. Лучше держаться подальше, чтобы эта дура снова чего не выкинула.

Они ещё стояли и разговаривали, не заходя внутрь, как появился Тао Юань. Увидев Лу Чаньюаня, тот улыбнулся, но на Цзи Жаня даже взгляда не удостоил — всё его внимание было поглощено собеседником.

Цзи Жань, заметив это, невольно приподнял бровь и переглянулся с Лу Чжэнем.

Лу Чжэнь бесстрастно пожал плечами.

— Вернулся? — Тао Юань сделал несколько шагов к Лу Чаньюаню.

— Да, — тот кивнул с улыбкой, на лице появилось выражение лёгкой вины. — Надеюсь, тебе не было слишком скучно?

Тао Юань покачал головой. — Заходи.

В доме, несмотря на сотый день поминов Лу Чжэня, всё было как всегда: мужчины собрались вместе, дети бегали и играли. Единственной неожиданностью стало отсутствие Лэн Сянлянь.

— Вторая невестка на сносях, — пояснил Лу Чаньюань, заметив, как Цзи Жань окинул взглядом присутствующих. — Говорит, последние дни живот побаливает, поэтому сегодня не пришла.

Цзи Жань равнодушно кивнул, поздоровался лишь со стариком Лу, остальных проигнорировал, устроился в углу и затих, решив побыть тихим и незаметным. Время от времени он перекидывался с Лу Чжэнем многозначительными взглядами — эта немая игра была полна скрытого напряжения.

Цзи Жань ждал недолго: вскоре старуха Лу со снохой вынесли варёное мясо и курицу. Подношения готовы, и семья тут же переместилась в боковушку, где стоял временный алтарь.

Именно так. Поскольку у Лу Чжэня в этом доме не было своего угла, алтарь пришлось устроить в подсобке слева от покоев стариков, где обычно хранили всякий хлам. Комнату же, которую раньше занимал Цзи Жань, семья Лу Чанцина уже забрала обратно — уж её-то точно под алтарь не отдали бы.

Цзи Жань раньше думал лишь о том, чтобы вернуться к корням, и забыл, что Лу Чжэнь в этой семье всегда был как лист на воде — без опоры.

Подсобку, хоть и прибрали, всё равно нельзя было назвать чистой и светлой. Как член семьи покойного, Цзи Жань шёл впереди всех и, переступая порог, угодил лицом в паутину. В тот миг глаза у него невольно застыла влага — так стало жаль Лу Чжэня. Какой же он был замечательный человек — высокий, статный, генерал! Даже погибнув молодым, спасая императора, он удостоился высоких почестей и генеральского звания. Почему же его так ненавидели в собственной семье?

В тот момент Цзи Жань отчаянно хотел взять Лу Чжэня за руку, утешить. Но позади стояли другие, наблюдали, и всё сочувствие пришлось держать в себе. Утешать можно будет лишь потом, когда они вернутся. Эх, знал бы — лучше бы прямо в том сарае и устроил поминки.

Алтарь был до неприличия убогим: две тарелки с фруктами да сладостями, кирпич из жёлтой глины для свечей да оплывший, без одного ушка, котелок для сжигания погребальных денег.

Глядя на всё это, Цзи Жань почувствовал, как в груди защемило. Устанавливая поминальную табличку, он не мог сдержать дрожь в руках.

— Цзи Жань, — мягко окликнул его Лу Чжэнь, видя его реакцию. — Всё в порядке, не переживай.

Цзи Жань глубоко вздохнул, тщательно протёр табличку рукавом и лишь затем поставил на алтарь. Потом стал раскладывать подношения из корзины, зажёт свечи, начал жечь деньги...

Всё это он делал сам, а семья Лу стояла в стороне и наблюдала.

Всё шло своим чередом, но когда последняя горсть денег упала в котелок, Лу Чжэнь вдруг сдавленно застонал и рухнул на колени. В мгновение ока его лоб почернел, будто вымазали сажей.

— Что происходит?! — Цзи Жань вздрогнул и, почти не отдавая себе отчёта, подскочил и бросился к Лу Чжэню.

Но его руки прошли сквозь полупрозрачное тело, и он с размаху шлёпнулся на пол.

В тот же миг Лу Чжэнь махнул рукой, и с алтаря с грохотом посыпались все подношения.

Перемены были столь внезапны, что семья Лу остолбенела. Первым опомнился Лу Чаньюань и поспешил помочь Цзи Жаню подняться.

— Невестка...

Не дав договорить, Цзи Жань резко оттолкнул его и снова потянулся к Лу Чжэню, но рука вновь прошла насквозь. Протянутая длань дрогнула в пустоте, а по лицу Цзи Жана, искажённому внезапным ужасом, разлилась мертвенная бледность.

— Кир... кирпич... кирпич из жёлтой глины... — Лу Чжэнь, опираясь одной рукой о пол, другой судорожно сжимал ворот одежды. Слова давались ему с трудом, будто он выжимал их сквозь зубы.

Услышав это, Цзи Жань тут же обернулся на поиски. Заметив кирпич у ножки стола, он подхватил его. Но сколько ни вертел в руках, никакой подвох не обнаруживал — в его глазах это был самый обычный кусок глины.

— Ра... расколи... — Лу Чжэнь с трудно выдохнул, кашлянув.

Цзи Жань разломил кирпич — и тут же обнаружил скрытую внутри хитрость.

Оказалось, кирпич был полым на треть снизу, а внутри лежали обломок персикового дерева размером с мизинец да жёлтый талисман, исписанный киноварью.

Увидев выглядывающий из глины край талисмана, лицо Цзи Жана исказилось. Он медленно поднялся и обвёл собравшихся ледяным взглядом. — Что это значит?! Сегодня вы специально устроили поминки по Чжэню, почему в кирпиче оказались эти вещи?!

— Это...

Лу Чаньюаня только что поднял Тао Юань, и он остолбенел. Непроизвольно он обвёл взглядом своих родных, и брови его сдвинулись.

Под взглядами Цзи Жаня и Лу Чаньюаня члены семьи лишь переглядывались в полном недоумении. Их растерянность казалась искренней — похоже, они и впрямь ничего не знали.

Цзи Жань фыркнул и уже собирался потребовать ответов, как снова услышал сдавленный, полный страданий стон Лу Чжэня. Цзи Жань встрепнулся, рванулся к двери и швырнул кирпич прочь.

В тот миг, как кирпич улетел, Лу Чжэнь, до того еле державшийся, внезапно обмяк и рухнул на пол, а затем обратился в струйку сизого дыма и скрылся в поминальной табличке.

Цзи Жань, увидев это, запаниковал. Сейчас было не до разборок с семьёй Лу — нужно было срочно спасти Лу Чжэня!

Решив так, он больше не медлил. Сделав несколько шагов к алтарю, он схватил табличку, прижал к груди и, не обращая внимания на остальных, бросился прочь.

Пробегая мимо половинки кирпича с торчащими талисманом и веткой, Цзи Жань явственно почувствовал, как табличка в его руках дрогнула. Первым порывом было бежать, но, отмахнув несколько шагов, он вдруг остановился, обернулся и уставился на киноварную надпись на жёлтом талисмানে, застрявшем в глине.

— Я с этим не покончу! — бросил он сквозь зубы и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Цзи Жань ушёл, пылая гневом, а опомнившиеся члены семьи Лу, глядя на оставшийся кирпич, выражали самые разные чувства. Кроме задумчивого Лу Чаньюаня, все были бледны, и особенно — старуха Лу.

— Что... что это было? — голос её дрожал, слова выходили с трудом. — Как эта мерзавка вдруг взбесилась... и всё с алтаря посыпалось... это... это ветром сдуло? Мне... мне почему-то жутко стало... Вы не думаете... не думаете, это Лу Чжэнь, тот покойничек... Да и мерзавка-то как отреагировала... Может, он... он...

Речь её была бессвязна, но и Лу Чаньюань, и Тао Юань поняли, о чём она: всё происшедшее можно было описать одним словом — наваждение!

Едва это слово мелькнуло в мыслях, все невольно вздрогнули. Им вдруг почудилось, будто в дверном проёме этой подсобки заструился ледяной сквозняк, повеяло могильным холодом, от которого по спине побежали мурашки. И хотя народу было много, у всех выступил на лбу липкий пот.

— Эх, до чего дело дошло, — наконец, фыркнула старуха Лу, стараясь казаться бойкой. — Пошли, пошли, нечего тут торчать! Ушла и ушла, пойдёмте ужинать! — Не договорив, она уже рванула прочь, семена ногами так быстро, будто под ней горело.

Старуха Лу ушла, и остальные, разумеется, не стали задерживаться в этом месте. Все тут же последовали за ней. Видимо, теперь ещё долго никто не осмелится сюда сунуться.